

Предисловие

В этой книге люди жёсткие. Нетерпимые, быть радикальнее их — невозможно.

Нечаев — архетип революционера, непревзойдённая никем мрачная демоническая фигура тотального революционера.

Че Гевара в сравнении с Нечаевым — слащавый тенор, в нём нет безжалостности, в Че Геваре.

Поганая тварь — Достоевский, создавший карикатуру на Нечаева в «Бесах», именно в этой своей злобной ипостаси очернителя благородного Демона Достоевский наиболее отвратителен.

Достоевский раскрывает свою подлую душонку продавшегося за монаршьи макароны, раскаявшегося фрондёра именно в «Бесах», где он умудрился испачкать желчью и неверием всё самое самоотверженное, что было в русской жизни того времени. Всё героическое.

Революция опровергла Достоевского и подтвердила Нечаева.

Предисловие

История идёт дальше, превращая гибельные идеи прошлого в блистательные трагические гениальные подвиги настоящего. Человечество прошло свой путь от жалкого Бога, болеющего о всех больных, к новому Богу, требующему гибели всех больных.

С человеческой точки зрения это очень плохая книга. Со сверхчеловеческой точки зрения это единственная современная книга, которая не нагоняет скуку, вызывает жуткие чувства освобождения.

Для написания этой книги я обильно пользовался цитатами и выписками из других книг.

Как видите, я это заявляю демонстративно и делаю это, поскольку биографии и детали биографий всех без исключения исторических личностей, на которых я обратил внимание, лучше исследованы другими.

Мне, да потратить я и десяток лет на исследования, никогда бы не удалось выудить из глубин истории то, что знали из первых рук люди, лично знавшие Нечаева, или, как Савинков, — Ваню Каляева, например.

Невзирая на то, что я пользовался материалами и текстами других — моего в «Философии подвига» не мало, но много. Я сообщил этому собранию радикалов смысл, увидел у них общие черты и выделил из человечества таким образом особый и редкий

Философия подвига

тип «человека подвига». Фанатик, такой человек пренебрегает своей жизнью.

Человек подвига совершает свой подвиг не ради человечества, как принято благообразно предполагать и учить в средних школах, а просто потому, что его энергетика заставляет его делать это. Без цели, но такие люди всегда умудрялись сбивать с толку человечество. Этим они и интересны.

Я не их противник, ни в коем случае.

Я, пожалуй, один из них.

Э. Лимонов

Бешеный Жак

Его арестовали 22 августа 1793 года по приказанию Коммуны. Обыск прошёл 23-го.

27 августа его освободили под ответственность фармацевта и сапожника, но 5 сентября вновь арестовали. В этот раз — Комитет общественного спасения парижского департамента. Его декларировали подозреваемым и отправили в тюрьму Сант-Пелажи. За ним арестовали его товарищей — Леклерка, Лакомба, Варлета и распустили Клуб женщин, на который опирались «бешеные».

Его газета «Публицист Французской Республики» — публикация прекращена.

Он переведён в тюрьму Бисетр, самую населённую из тюрем той эпохи.

Из глубин тюрьмы он аплодирует репрессиям власти против церкви.

23 нивоза II года революции (12 января 1794) Жак Ру предстал перед трибуналом коррекционной

полиции в Шатле. Трибунал признал себя некомпетентным и отправил его в Революционный трибунал.

Слушая своё обвинение, которое предвосхищало фатальный и скорее оскорбительный для него приговор, он ударил себя небольшим ножом, спрятанным в одежде, пять раз под сосок левой груди. Окровавленный, он был доставлен в Зал Совета, где его допросили в ожидании хирурга.

Состоялся следующий диалог, который мы имеем, поскольку он сохранился в протоколе:

— Почему Вы покушались на Вашу жизнь (Ваши дни)?

— Уже давно я пришёл к решению принести в жертву мою жизнь, но оскорбления и ужасная жестокость моих преследователей меня окончательно возбудили перейти к делу.

— Трибунал ещё не вынес своё решение по Вашему делу, они лишь отправили Вас к компетентным судьям.

— Я не имею никаких жалоб на Трибунал, он действует согласно закону, но я действую согласно моей свободе (воле).

— Вы не должны бояться появиться перед Революционным трибуналом. Марат, которого Вы считаете

Вашим другом, предстал перед Трибуналом и вышел триумфатором.

— Между мною и Маратом существенная разница. Марат не имел моей энергии, и его не преследовали, как меня. Я презираю жизнь. Я войду счастливым и спокойным к друзьям свободы в будущей жизни. Я вам рекомендую моего маленького сироту Мас-селина, которого я принял у себя. Я прошу, чтобы перед тем как завершить мою карьеру, на меня надели бы красный колпак и чтобы президент Трибунала удостоил бы меня поцелуя мира и братства.

После того как президент удовлетворил желание раненого, хирург его осмотрел и официально констатировал раны.

Затем Жак Ру был транспортирован в операционный зал тюрьмы Бисетр. Там он «всеми средствами» ухудшал своё здоровье, с тем чтобы избежать процесса, которому он должен был подвергнуться. Наконец 22 плевизоза (10 февраля 1794 года) он нанёс себе в левую грудь новые раны, более глубокие и более опасные, чем предшествующие. Одна из них прорезала лёгкое. Он умер в середине дня и был похоронен на кладбище в Жентильи.

«Этот трагический конец, в котором отразилось всё величие его жизни, был сравнён с жертвами античных смертей, о которых повествовал Тацит», — заключает историк Морис Домманже.

Жак Ру вместе с Жак-Клод Бернаром был избран Парижской коммуной присутствовать на казни короля 21 января 1793 года.

Казнь Людовика «Последнего» (так его называли революционеры, но оказалось — не последнего) и Жак Ру возле этой казни окружены плотным слоем легенд, сложившихся ещё во времена Великой Французской. Сегодня уже невозможно отделить, что там правда, что вымысел.

Так, действительно ли, приехав в Тампль, где содержался король, для того чтобы забрать его на казнь, сказал ли, говорил ли Жак Ру королю в ответ на его мольбу передать Коммуне его завещание такие хлёсткие и холодные слова: «Я уполномочен лишь сопроводить Вас на эшафот». Большинство историков утверждают, что да, говорил, но такой крупный историк, как Мишле, утверждает, что нет.

Однако в своём рапорте о казни Людовика, написанном для Коммуны, Жак Ру утверждал, что говорил слова, которые ему приписывали. Ещё в своём рапорте Жак Ру настаивал, что после казни присутствовавшие ассистенты смочили свои платки в крови короля.

Известный социалист Жан Жорес через столетие писал, что «Жак Ру сошёл с помоста, по которому катилась голова короля, с неким кровавым престижем».